

УДК 343.116
ББК 67.99(2)8

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО НАДЗОРА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

И.С. Дикарев

Статья посвящена исследованию истории становления процедуры пересмотра судебных решений в порядке надзора в советском уголовном процессе.

Ключевые слова: *обжалование, надзор, суд, судебная система, суд надзорной инстанции.*

Октябрьская революция ознаменовалась полным уничтожением всей существовавшей ранее судебной системы. В Декрете о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. [8, ст. 50] Совет Народных Комиссаров постановил упразднить все донныне существовавшие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и Правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основе демократических выборов. Деятельность мировых судей была приостановлена. Их сменили местные суды в лице избираемых на основе прямых демократических выборов постоянных местных судей и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. По словам В.И. Ленина, по отношению к суду дореволюционной России «Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, – она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда...».

Столь решительные действия новой власти стали следствием того урока, который российские революционеры извлекли из опыта поражения Парижской Коммуны. В предисло-

вии к «Манифесту Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». Было необходимо разбить старую государственную машину, в частности, разрушить один из рычагов этой машины, каким был суд, и заменить его новым, по-новому устроенным судом. Опыт Парижской Коммуны, представлявшей собой неполную и непрочную диктатуру пролетариата, позволил предостеречь пролетариат от повторения ошибок, приведших к гибели Коммуны [20, с. 7, 8].

Надзорный порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений был введен в уголовное судопроизводство практически сразу после Октябрьской революции. Одной из важнейших задач, стоявших перед новой властью, было обеспечение единообразия судебной практики, добиться которой после слома всей дореволюционной судебной системы было крайне сложно. На VII съезде РКП(б) В.И. Ленин говорил: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством всех трудящихся». Новый суд провозглашался как «орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), – что суд есть орган власти пролетариата и бедней-

шего крестьянства, – что суд есть орудие воспитания к дисциплине». Так как первоначально при разрешении дел судья мог руководствоваться, помимо декретов Советской власти, революционной совестью и революционным сознанием, важно было осуществить подбор таких судей, жизненный и трудовой опыт которых свидетельствовал бы о наличии у них революционного правосознания. Во главу угла ставился опыт революционной борьбы, а не юридическое образование и знание законов. Отсюда и социальный состав судей: при избрании предпочтение отдавалось рабочим и крестьянам [25, с. 39].

Неудивительно, что состоявшие из непрофессиональных кадров суды подчас по однородным делам принимали совершенно противоположные решения. Построенное на началах жесткой централизации Советское государство не могло мириться с разнобразием в судебной практике. Поскольку решить эту проблему «снизу», то есть за счет обеспечения единообразия в применении законов при рассмотрении уголовных дел судами первой инстанции, в сложившихся условиях не было никакой возможности, потребовались механизмы решения этой проблемы «сверху».

Декретом ВЦИК от 7 марта 1918 г. [5, ст. 420] в целях достижения единообразия кассационной практики был учрежден Верховный судебный контроль, в состав которого должны были войти представители областных народных судов, избираемые своими судами на срок не более одного года.

Для решения поставленных задач Верховному судебному контролю предписывалось при обнаружении противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями выносить «объединяющие принципиальные решения», которыми надлежало руководствоваться кассационным инстанциям в будущем. Кроме того, Верховный судебный контроль был обязан реагировать на случаи возникновения «неустранимых противоречий между действующим законом и народным правосознанием». В этом случае в адрес законодательных органов надлежало направлять представление о необходимости издания нового соответствующего закона.

Нормам Декрета, предусматривающим введение Верховного судебного контроля, не

суждено было воплотиться в жизнь. Тем не менее законодатель четко обозначил направление развития законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, регулирующего механизмы обеспечения единства судебной практики.

В течение нескольких лет после Октябрьской революции единственным способом устранения судебных ошибок, допущенных местными народными судами, оставалось кассационное производство.

В ноябре 1918 г. было принято Положение о народном суде РСФСР, в котором предусматривалось учреждение в каждом судебном округе Совета народных судей, в задачи которого входило рассмотрение кассационных и частных жалоб на приговоры, решения, действия народных судов и ближайшего контроля над ними. Для рассмотрения поступающих дел Совет народных судей образовывал уголовные и гражданские отделения, которыми заведовали члены президиума Совета народных судей. Срок кассационного обжалования устанавливался в один месяц со дня объявления приговора. Кассационные жалобы могли подаваться как через народный суд, постановивший приговор, так и непосредственно в Совет народных судей.

Важно отметить, что уже в этот период кассационное производство строится на основе *ревизионного начала*. В статье 90 Положения о народном суде РСФСР было прямо закреплено: «Совет народных судей при рассмотрении дела не связан пределами кассационной жалобы и поводами, в ней указанными».

Кажущееся ныне непреложным правило о том, что обжалованное в кассационном порядке судебное решение не вступает в законную силу, еще не было последовательно проведено в законодательстве рассматриваемого периода. Подтверждением тому является Декрет ВЦИК от 22 мая 1920 г. [6, ст. 214], содержащий следующую норму: «В местностях, объявленных на военном положении, а равным образом и в местностях, на кои распространяется власть Революционных военных советов фронта, губернским революционным трибуналам предоставляется право в случае подачи кассационных жалоб или ходатайств о помиловании по делам, по коим вынесен приговор к расстрелу, входить с пред-

ставлением в местный губернский комитет, или его президиум, или в местный революционный комитет в течение 24 часов с момента получения трибуналом кассационной жалобы или ходатайства о помиловании, *о непропуске таковых и обращении приговора к немедленному исполнению*, если трибунал признает, что в силу безусловной ясности дела, тяжести совершенного деяния и политической обстановки, в которой находится данная губерния, приговор требует немедленного исполнения».

Анализируя положения Декрета о суде № 2 от 7 марта 1918 г. [5, ст. 420], Н.Г. Муратова приходит к обоснованному выводу о том, что «законодатель первоначально не разграничивал, с точки зрения обжалования, судебные решения на вступившие и не вступившие в законную силу, не устанавливал ни содержания, ни основных принципов кассации» [15, с. 16].

Впервые вопросы, связанные с проверкой *вступивших в законную силу* судебных решений, получили четкую законодательную регламентацию в Положении о Высшем судебном контроле при Народном комиссариате юстиции, утвержденном Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1921 г. [4, ст. 97]. Народному комиссариату юстиции вменялось в обязанности осуществлять:

а) общий надзор за деятельностью судебных органов и преподание им руководящих разъяснений и указаний по действовавшему советскому праву;

б) признание не имеющими законной силы приговоров или решений судебных органов РСФСР, хотя и вступивших в законную силу, но требующих пересмотра;

в) разрешение вопроса о возобновлении судебных дел ввиду вновь открывшихся обстоятельств, независимо от того, каким судебным органом Республики эти дела рассмотрены.

Уже в этот период намечаются контуры будущей советской модели судебного надзора: существенный характер нарушений, служащих основанием для признания приговоров и иных судебных решений не имеющими законной силы, ограниченный круг органов, наделенных правом инициировать рассмотрение вопроса об отмене вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения.

В частности, ставить вопрос о пересмотре судебных решений, вступивших в законную силу, имели право лишь: а) центральные и областные органы советской власти и Губернские исполнительные Комитеты Советов РК и КД; б) Народный комиссариат юстиции. Причем в случае необходимости признания не имеющими законной силы приговоров, постановленных революционными трибуналами, Народный комиссариат юстиции был обязан предварительно запрашивать заключение Кассационного трибунала республики.

Что же касается оснований для признания приговоров или решений судебных органов не имеющими законной силы, то таковыми признавались следующие обстоятельства: а) явное нарушение или неприменение узаконений советской власти; б) принятие судебными органами к своему производству дел, не подлежащих судебному разбирательству; в) явное противоречие приговора или решения руководящим началам советского законодательства и общей политике Рабоче-крестьянского правительства.

Появление новых форм проверки судебных решений сопровождалось предоставлением соответствующих полномочий органам прокуратуры. В области борьбы с преступностью прокуратура была наделена широкими правами, в том числе на опротестование в кассационном порядке приговоров и определений, выносимых судом, а также опротестование в порядке Высшего судебного контроля вошедших в законную силу приговоров судов первой инстанции и кассационных решений Советов народных судей [17, ст. 424]. Следует отметить, что органы прокуратуры заняли важное место в системе судебного надзора: производство по пересмотру как приговоров народных судов, так и приговоров, выносимых революционными трибуналами, возбуждалось только после установления соответствующим должностным лицом прокуратуры оснований изменения или отмены состоявшегося судебного решения. Фактически, говоря языком современного уголовно-процессуального права, именно прокуратуре были переданы функции по возбуждению надзорного производства.

Так, принятый Постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. УПК РСФСР 1922 г. [28, ст. 320]

предусматривал, что протесты и жалобы на состоявшиеся в кассационном порядке определения Совета народных судей предварительно поступали к помощнику прокурора Республики, который либо, признав протест лишены оснований, оставлял его без дальнейшего движения, либо входил в Народный Комиссариат юстиции в порядке судебного контроля с представлением о рассмотрении означенного протеста или жалобы.

Как уже было сказано, круг органов, полномочных ходатайствовать о пересмотре вошедших в законную силу приговоров революционных трибуналов, был ограничен центральными и областными органами Советской власти и губернскими исполнительными комитетами. Ходатайства этих органов рассматривались в порядке высшего судебного контроля только после дачи по ним заключения помощником прокурора Республики.

Что касается ходатайств об отмене вошедших в законную силу приговоров народных судов, то они могли подаваться всеми заинтересованными лицами и направлялись прокурору, состоящему при соответствующем Совете народных судей, после чего, в случае признания их основательными, они передавались этим прокурором вместе с его заключением в порядке высшего судебного контроля в Народный Комиссариат юстиции, где и рассматривались после дачи по ним заключения помощником прокурора Республики.

Декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. [7, с. 294] при ВЦИК был учрежден единый Верховный трибунал как «кассационный орган и орган ближайшего надзора» для всех действующих на территории РСФСР трибуналов, а также судебный орган для дел особой важности. Верховный трибунал состоял из: а) пленума или объединенного заседания председателей Коллегий Верховного трибунала, члена-докладчика и представителя ВЧК, б) коллегий Верховного трибунала: кассационной, судебной, военной и военно-транспортной, в) областных отделений Верховного трибунала. Правопреемником именно этого судебного органа впоследствии стал Верховный Суд РСФСР.

УПК РСФСР 1922 г. предоставил Председателю Верховного трибунала, его заместителю, Прокурору Республики и его помощ-

нику, состоящему при Верховном трибунале, право истребования любого дела из производства революционных трибуналов всех категорий и приостановки приговора для просмотра его в порядке надзора. Ревтрибуналы были обязаны немедленно по получении требования о высылке дела направить его истребованному должностному лицу, приостановив по нему производство. При этом истребованы могли быть как уже рассмотренные уголовные дела, так и дела, находящиеся в производстве революционного трибунала. В последнем случае отсылка дела допускалась лишь после вынесения приговора.

Истребованное из революционного трибунала уголовное дело поступало к прокурору, состоящему при Верховном трибунале по соответствующей коллегии, который, если не усматривал в производстве никаких нарушений, докладывал о том председателю соответствующей коллегии и в случае его на то согласия производство в порядке надзора прекращалось. При несогласии председателя, а также в тех случаях, когда прокурор усматривал существенные нарушения, дело направлялось с заключением прокурора в кассационную коллегия, которая принимала одно из следующих решений: 1) о дальнейшем направлении дела с преподанием трибуналу соответствующих указаний; 2) в случаях, когда приговор по делу уже вынесен, – об отмене приговора и передаче дела для нового рассмотрения в другой или тот же трибунал в ином составе судей; 3) о соответствующем изменении приговора.

В случаях постановления приговора, приносящего к расстрелу, революционный трибунал был обязан немедленно по вынесении приговора сообщить посредством телеграфа о таковом в Верховный трибунал с указанием часов, минут вынесения приговора, краткого существа обвинения, фамилии, имени, классового происхождения и социального положения, а также возраста осужденного. Приговор мог быть приведен в исполнение только в случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения Верховному трибуналу посланного ему сообщения распоряжения о приостановке приговора и истребования дела в порядке надзора.

Позднее, в 1923 г., уже Верховный Суд РСФСР разослал во все нижестоящие судеб-

ные органы Постановление ВЦИК об изменении порядка сообщения в Верховный Суд о приговорах к расстрелу. Согласно этому Постановлению суды доносили Верховному Суду о приговорах, присуждающих к высшей мере социальной защиты, лишь по истечении установленного кассационного срока в случае неподачи осужденным кассационной жалобы или непринятия таковой. Примечательно, что в Циркуляре Верховного Суда РСФСР № 13 от 3 июля 1925 г. «О порядке сообщения в Верховный Суд о приговорах к высшей мере социальной защиты – расстрелу» [32, с. 779–780] указывалось, что неподача осужденным к расстрелу кассационной жалобы должна была быть подтверждена в письменной форме либо путем отобрания у осужденного соответствующей подписки, либо путем составления специального акта, подписываемого членом губернского суда, помощником прокурора или начальника места заключения, о том, что осужденный сознательно не подал кассационную жалобу.

Ревизионное начало выражалось в положении, закрепленном в ст. 451 УПК РСФСР 1922 г., о том, что при рассмотрении дел в порядке надзора кассационная коллегия не связана заключением прокурора и вправе вынести определение как об отмене приговора и о назначении дела к слушанию вновь, так и об отмене всего производства по делу и начатии дела со стадии предварительного следствия.

Важной вехой в становлении судебного надзора в советском уголовном процессе стало принятие Положения о судостроительстве РСФСР 1922 г. [18, ст. 902], которым учреждался Верховный Суд РСФСР. Высший судебный орган Республики был уполномочен осуществлять судебный контроль над всеми без исключения судебными местами РСФСР, рассматривать в кассационном порядке решенные губернскими судами дела и *в порядке надзора все дела, разрешенные любым судом Республики*, а также рассматривать по первой инстанции дела особой важности. При этом к Верховному Суду РСФСР отошли надзорные функции Наркомата юстиции. Положением о судостроительстве в РСФСР вводилась единая трехзвенная судебная система, включавшая в себя:

- 1) народные суды;
- 2) губернские суды;
- 3) Верховный Суд РСФСР.

Интересно отметить, что губернским судам надзорные функции не передавались, оставаясь исключительно в компетенции Верховного Суда РСФСР. Думается, такое положение вещей объяснялось прежде всего тем, что функция судебного надзора рассматривалась не как способ исправления судебных решений, но прежде всего как элемент функции управления, призванный обеспечить единство судебной практики. Не случайно в юридической литературе того периода указывалось на то, что «нельзя передать разрешение дел в порядке надзора в пленум губсуда, ибо последнее нарушило бы единство судебной практики» [2, с. 925].

Принятие Положения о судостроительстве РСФСР вызвало необходимость пересмотра уголовно-процессуального законодательства. В результате был разработан и принят в новой редакции УПК РСФСР 1923 г. [29, ст. 106].

УПК РСФСР 1923 г., устанавливая надзорный порядок пересмотра приговоров, всячески подчеркивал исключительное право Верховного Суда Республики пересматривать приговоры в надзорном порядке. В законе указывалось, что пересмотр приговоров, вступивших в законную силу, производится лишь Верховным Судом Республики.

Правда, нагрузка Верховного Суда РСФСР, связанная с рассмотрением уголовных дел в порядке надзора, оказалась крайне велика. Связано это с тем, что положение ст. 429 УПК РСФСР предписывало проверку Верховным Судом в порядке надзора всех определений пленумов губернских судов, а это – приговоры по всем наиболее серьезным и сложным делам, принимавшимся к своему производству губернскими судами, а также решения, принятые в кассационном порядке.

Пересмотр приговоров в надзорном порядке осуществлялся как Президиумом Верховного Суда РСФСР, так и Пленумом Верховного Суда РСФСР. Роль Пленума в условиях становления правоприменительной практики, когда судами многие нормы применялись *впервые*, была чрезвычайно велика. Разрешая отдельные уголовные дела, Пленум Верховного Суда РСФСР задавал направление развития правоприменительной практики всех судов Республики.

Право Президиума Верховного Суда РСФСР осуществлять пересмотр приговоров в надзорном порядке законодательно было закреплено Положением о судостроительстве РСФСР 1926 г. [19, ст. 624]. В состав Президиума вошли: Председатель Верховного Суда РСФСР, его заместитель, председатели кассационных коллегий, военной и военно-транспортной коллегий. Президиум имел право выносить постановления об отмене в порядке надзора приговоров нижестоящих судов, других решений и определений с передачей дела на новое судебное рассмотрение соответствующей коллегии Верховного Суда РСФСР.

Отсутствие достаточного числа граждан, которые одновременно были бы и опытными в судебном деле, и обладали бы пролетарской психологией, приводило к назначению на судебские должности «или совершенно неопытных в судебном деле и в вопросах права или хотя и опытных, но с ветхозаветными воззрениями». В результате повсеместно допускались грубые нарушения закона, особенно в части применения норм материального права. Кассационная проверка по многим делам не осуществлялась, так как приговоры никем не обжаловались, опять же по причине низкого образовательного уровня лиц, участвовавших в судопроизводстве.

Как следствие, единственным реальным способом исправления судебных ошибок долгое время оставался надзорный пересмотр дела, и вся нагрузка, связанная с выполнением этой работы, ложилась на Верховный Суд РСФСР. Поэтому в целях улучшения и ускорения процесса внедрения в сознание масс правильного представления о советских законах, как одного из средств к ускорению процесса государственного экономического строительства на коммунистических началах, и создания более благожелательного отношения населения к народному суду в юридической литературе все чаще стали раздаваться призывы предоставить право отмены вступивших в законную силу приговоров и определений народных судов пленумам губернских судов (см., например: [13, с. 1066–1067]).

«Пленум губсуда, – писал А. Лунин, – должен быть жизненным, руководящим органом деятельности губсуда и нарсудов губернии, тесно связанным с партией и рабочим

классом, суммирующим богатый судебный опыт, делающим из него соответствующие выводы, объединяющим работу учреждений, находящихся в ведении губсуда и делающих одно общее дело, в том числе и прокуратуру, и обладающим судебными правами в области отмены приговоров и решений нарсудов, вступивших в законную силу, по признакам явных нарушений закона» [14, с. 226].

Предложение наделить надзорными полномочиями пленумы губернских судов неоднократно звучало и в выступлениях Н.В. Крыленко: «Вопрос о самом пленуме, о его роли очень важен; он стоит в такой плоскости, что пленум есть основная ячейка, несущая ответственность за постановку работы в губернии. Встает вопрос о расширении прав пленума в направлении перерешения дела в порядке надзора. Возражений против такого расширения нет» [9, с. 262].

Впрочем, были у данного предложения и противники. В качестве главного возражения справедливо указывалось на то, что дальнейшее распространение надзорного пересмотра приведет к утрате авторитета вступивших в законную силу судебных решений: «приговор, вошедший в законную силу, должен являть собой абсолютно устойчивый, твердый акт, по силе равный закону и допускающий изменения лишь в особо исключительных случаях и в исключительном же порядке» [12, с. 1111–1112]. И все же Постановлением ВЦИК от 17 декабря 1928 г. право пересмотра вступивших в законную силу приговоров и иных судебных решений было передано пленумам и президиумам губернских судов. В Республике была создана широкая сеть судебных инстанций, имеющих право пересмотра вступивших в законную силу приговоров. В результате порядок пересмотра приговоров, вступивших в законную силу, из исключительного превратился в обычный. Дела стали пересматриваться по многу раз, стабильность приговора была серьезно подорвана [1, с. 14–15].

В жизнь проводилась идея о придании судам губернского звена ключевой роли в осуществлении надзора за судебной деятельностью. Причем еще в 1924 г. на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции Н.В. Крыленко высказал идею, согласно которой истребованные в порядке надзора дела

необходимо окончательно решать в пленуме губсуда и лишь при несогласии пленума и губернского прокурора направлять в Верховный Суд Республики [10, с. 263]. Эта идея была реализована в судебной практике. Согласно разъяснению пленума Верховного Суда РСФСР от 16 ноября 1925 г. несогласие губернского прокурора, равно как и председателя губернского суда с пленумом губернского суда по вопросу об отмене в порядке надзора вступивших в законную силу приговоров народного суда, обязательно влечет направление дела на окончательное разрешение в уголовно-кассационную коллегия Верховного Суда РСФСР, независимо от того, кем было возбуждено производство в порядке надзора и кем был принесен протест по делу: губернским прокурором или председателем губернского суда. При этом как в одном, так и в другом случае исполнение приговора приостанавливалось [23, с. 1472].

Постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 16 декабря 1930 г. функции пленумов судов по пересмотру уголовных дел в порядке надзора были переданы президиумам этих судов, а постановлением ВЦИК от 10 мая 1932 г. расширен круг лиц, имевших право на истребование дел в порядке надзора. С этого времени право опротестования в порядке надзора приобрели: прокуроры СССР, союзной и автономной республики, области, края, округа, района; председатель Верховного Суда СССР, председатели верховных судов союзных республик, главных судов автономных республик, краевых, областных, окружных судов.

Органами, правомочными пересматривать вступившие в законную силу приговоры, являлись: Пленум Верховного Суда СССР, судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, Пленум, Президиум и Уголовная коллегия Верховного Суда союзной республики; президиум главного суда автономной республики, пленум, президиум краевого, областного суда и их коллегии, президиум окружного суда [15, с. 23].

Приостановление исполнения вступившего в законную силу приговора производилось через суд, его вынесший. Право приостановки приговора заключалось либо в отсрочке приведения в исполнение приговора, не обра-

щенного к исполнению, либо в приостановке, то есть перерыве отбывания наказания до окончания производства в порядке надзора: следовательно, во всех тех случаях, когда уголовные дела истребовались с указанием в требовании о приостановке исполнения приговора, по которому осужденный уже лишен свободы или поставлен на принудительные работы, судам надлежало немедленно приостанавливать исполнение приговора, избирая мерой пресечения по делам с краткосрочной мерой социальной защиты подписку, предусмотренную ст. 143 УПК РСФСР.

Вопрос об избрании меры пресечения решался судом, вынесшим приговор, после получения им предложения о высылке дела в порядке надзора.

Районные, окружные, областные и краевые прокуроры и прокуроры АССР, председатели окружных, областных, краевых судов и верховных судов АССР, усмотрев из имеющихся у них данных и поступающих к ним сообщений незаконность и необоснованность вынесенного приговора, решения или определения, вступившего в законную силу, обязаны были проверять эти данные путем истребования из судов соответствующих уголовных дел (без права приостановления исполнения приговора и принесения надзорных протестов).

В случаях, когда кем-либо из перечисленных должностных лиц при ознакомлении с истребованным делом обнаруживалась незаконность или необоснованность судебного акта, соответствующий прокурор или председатель суда были обязаны входить с представлением к вышестоящему прокурору или председателю суда о принесении протеста на приговор, решение или определение.

УПК РСФСР 1923 г. содержал различную регламентацию процедур производства в порядке надзора применительно к губернским судам и Верховному Суду РСФСР.

Председателю губернского суда и губернскому прокурору принадлежало право истребования в порядке надзора из судов данной губернии производства по любому делу и в любой стадии процесса; участковым (уездным и районным) прокурорам это право принадлежало лишь в отношении дел народных судов участка их деятельности.

Нормативными актами Наркомюста РСФСР был предусмотрен особый порядок истребования уголовных дел прокурорами районного и краевого звена.

Так, в том случае, если решенное народным судом дело было предметом обсуждения в кассационном или надзорном порядке краевого (областного) суда, районный прокурор мог требовать такое дело в порядке надзора лишь с санкции краевого (областного) прокурора.

При несогласии председателя краевого (областного) суда выполнить требования краевого (областного) прокурора последний и председатель краевого (областного) суда были обязаны немедленно поставить об этом в известность Наркома юстиции СССР и Прокурора СССР, по принадлежности, представив свои мотивированные соображения по этому вопросу, и ждать от вышестоящих должностных лиц соответствующих указаний (см.: Циркуляр НКЮ и прокуратуры СССР 1936 г. № 10/70 [26, с. 127–128]).

В отношении дел, находившихся в производстве военных трибуналов, право истребования в порядке надзора принадлежало председателю окружного трибунала, военному окружному прокурору, а в губерниях, где такового не было, – губернскому прокурору.

Должностное лицо, истребовавшее уголовное дело, изучало его материалы и, обнаружив в производстве по уголовному делу существенных нарушений, возвращало дело обратно в суд, немедленно прекращая производство в порядке надзора. Если же такие нарушения обнаруживались, дальнейшие действия зависели от того, на каком этапе судопроизводства находилось истребованное уголовное дело.

Так, в случаях, когда производство по уголовному делу еще не было закончено, председатель губернского суда или губернский прокурор направляли дело народного суда в кассационное отделение губернского суда, а дело, находившееся в производстве губернского суда, – в пленум губернского суда.

После этого кассационное отделение или пленум губернского суда, заслушав заключение прокурора, выносили постановление о дальнейшем направлении дела. При этом вышестоящая судебная инстанция была

вправе «преподать суду надлежащее указание по делу».

Порядок устранения обнаруженных существенных нарушений по делу в случае вступления приговора в законную силу был несколько иным.

В случае выявления председателем губернского суда или губернским прокурором существенных нарушений по уголовному делу, по которому приговор уже вступил в законную силу, указанные должностные лица направляли это дело в следующем порядке:

1) дело, решенное народным судом и не обжалованное в кассационном порядке, вносились в кассационное отделение губернского суда, которое и разрешало вопрос об отмене приговора в порядке надзора;

2) если по делу было вынесено кассационное определение губернского суда или же если кассационное отделение не соглашалось с протестом губернского прокурора, вопрос об отмене приговора и определения кассационного отделения губернского суда переносился губернским прокурором в пленум губернского суда, который, в случае согласия с губернским прокурором, разрешал дело окончательно (при этом в Верховный Суд направлялась копия постановления пленума). В тех случаях, когда пленум губернского суда не соглашался с прокурором, дело направлялось на окончательное разрешение в Уголовно-кассационную коллегия Верховного Суда с приложением как протеста прокурора, так и постановления пленума;

3) уголовные дела, рассмотренные уголовным отделением губернского суда, направлялись в порядке надзора в Уголовно-кассационную коллегия Верховного Суда (с возможным предварительным его рассмотрением пленумом губернского суда, заключение которого приобщалось к делу);

4) дела, разрешенные военным трибуналом, направлялись в Уголовно-кассационную коллегия Верховного Суда.

Что касается производства в порядке надзора в Верховном Суде РСФСР, то оно сохранило основные черты надзорного производства в Верховном трибунале, предусмотренного УПК РСФСР 1922 года.

Так, поступившее из народного или губернского суда уголовное дело направлялось на рассмотрение прокурору, состоявшему при Верховном Суде РСФСР, который проверял, не было

ли допущено по делу существенных нарушений. При отсутствии таковых прокурор докладывал о том председателю Верховного Суда и в случае его согласия производство в порядке надзора прекращалось. При несогласии председателя, а равно во всех иных случаях (если прокурор усматривал существенные нарушения) дело с заключением прокурора направлялось в кассационную коллегия, которая либо решала вопрос о дальнейшем направлении дела «с преподаванием народному суду, губернскому суду или трибуналу соответствующих указаний» (если по делу не было вынесено приговора, вступившего в законную силу), либо, когда приговор по делу был уже вынесен, принимала одно из двух решений: 1) об отмене приговора и передаче дела для нового рассмотрения в другой или тот же суд (в ином составе) или 2) о соответствующем изменении приговора. Теми же правами пользовался и Пленум Верховного Суда РСФСР.

Все уголовные дела в порядке надзора пересматривались в закрытом судебном заседании. Ни стороны, ни их представители к участию в заседании суда надзорной инстанции не допускались.

Множественность надзорных инстанций, а также должностных лиц, уполномоченных приносить протесты в порядке надзора на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления судов, имела следствием утрату пересмотром судебных решений своего исключительного характера, превращение его в ординарную процедуру исправления судебных ошибок и нарушений закона. «Все это, – писал М.С. Строгович, – приводило к тому, что порядок судебного надзора в значительной мере превратился из исключительного порядка пересмотра дел в нормальный порядок наряду с кассационным, а президиумы и пленумы краевых, областных и иных судов превратились в нормальную третью инстанцию суда, хотя закон предусматривает лишь две таких инстанции – первая и кассационная.

Тем самым создавалась неустойчивость судебных приговоров, вошедших в законную силу, колебалась авторитетность судебных приговоров» [27, с. 490].

Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. [11, ст. 206] значительно сократил круг должностных лиц, уполномоченных приносить надзорные протесты, а

также судебных инстанций, компетентных пересматривать в надзорном порядке уголовные дела. Тем самым законодатель стремился вернуть надзорному производству исключительный характер, утраченный им *de facto* после надления правом надзорного пересмотра уголовных дел президиумов и пленумов областных и краевых судов. В соответствии со ст. 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик полномочие опротестовывать судебные приговоры, решения и определения, вступившие в законную силу, сохранилось только у Прокурора СССР и прокуроров союзных республик, а также Председателя Верховного Суда СССР и председателей верховных судов союзных республик. Этим же должностным лицам было предоставлено исключительное право приостановления исполнения приговора, решения или определения, вступившего в законную силу.

Самой значительной новацией в организации судебно-надзорной деятельности стала ликвидация президиумов и пленумов в судах областного уровня, что фактически означало изъятие у этих судов права пересматривать в порядке надзора приговоры и определения по уголовным делам. Со дня вступления в законную силу Закона о судостроительстве деятельность, связанная с пересмотром в порядке надзора судебных решений по уголовным делам, была сосредоточена в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда союзной республики, Судебной коллегии по уголовным делам и Пленуме Верховного Суда СССР. В соответствии со ст. 45 и 63 Закона о судостроительстве на Верховный Суд союзной республики и Верховный Суд СССР прямо возлагалась функция осуществления надзора за судебной деятельностью всех нижестоящих судов.

Репрессивная политика, проводимая Советской властью в первые десятилетия после Октябрьской революции, не могла не сказаться на организации и функционировании судебной системы. В 1930-е годы в связи с набирающими обороты темпами репрессий, сопровождавшихся снижением гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве, надзорное производство, как способ проверки судебных решений, исключалось по целым категориям уголовных дел. 1 декабря 1934 г. было принято Постановление ВЦИК «О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы Союзных

республик» [21, ст. 459], в котором предписывалось дополнить уголовно-процессуальное законодательство положениями о недопустимости кассационного обжалования и подачи ходатайств о помиловании по делам о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, а также *приведение по таким делам приговоров к высшей мере наказания в исполнение немедленно по вынесении приговора*. 14 сентября 1937 г. аналогичные нормы были распространены на уголовные дела о контрреволюционном вредительстве и диверсиях [22, ст. 226]. Естественно, что при этом не оставалось никаких объективных условий для эффективного функционирования механизмов надзорного пересмотра вступивших в законную силу приговоров.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» [31, ст. 360] в интересах усиления роли местных судебных органов в осуществлении судебного надзора на президиумы Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей вновь была возложена обязанность пересмотра вступивших в законную силу приговоров народных судов. Одной из причин такого расширения полномочий судов областного (краевого) уровня была необходимость пересмотра огромного числа приговоров в целях реабилитации жертв сталинских репрессий.

Одновременно с расширением надзорных полномочий нижестоящих судов шел процесс сокращения аналогичных полномочий высшей судебной инстанции. По Положению о Верховном Суде СССР, утвержденному 12 февраля 1957 г. [16, ст. 84, 85], Верховный Суд СССР теперь мог отменять и изменять в порядке надзора приговоры, решения и постановления только Верховных судов союзных республик, тогда как прежде был полномочен истребовать в порядке надзора уголовное дело из любого суда страны. Данная законодательная новелла объяснялась тем, что исполнение столь широких надзорных полномочий отвлекало Верховный Суд СССР от выполнения функций по руководству судами и, кроме того, приводило к волоките в надзорном пересмотре дел [24, с. 104].

Стоит упомянуть и о тех проблемах, которые возникали в судебной практике в связи с изменениями в административно-территориальном устройстве страны.

Так, серьезными сложностями в организации судебного надзора обернулась передача 19 февраля 1954 г. Крымской области Украинской ССР. Дело в том, что в архивах судов этой области хранилось значительное число дел с приговорами и решениями, оставленными в силе судебными коллегиями областного и Верховного Суда РСФСР. Возник вопрос, президиум какого Верховного Суда – РСФСР или Украинской ССР – должен рассматривать такие дела в порядке судебного надзора? Единообразная практика сложилась не сразу: в одних случаях протесты на приговоры, вынесенные в прошлом Крымским областным судом и оставленные в силе Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматривались президиумом Верховного Суда Украинской ССР, в других – президиумом Верховного Суда РСФСР. В конце концов, практика пошла по пути рассмотрения всех дел Верховным Судом Украинской ССР, поскольку именно в сферу его обслуживания перешли те суды, решения которых подлежали проверке в порядке надзора [3, с. 31–32].

Впрочем, несмотря на все перипетии и противоречия, можно говорить о том, что к концу 50-х гг. XX в. произошло окончательное формирование облика советского судебного надзора. Именно эта модель была принята за основу законодателем при разработке процедуры производства в надзорной инстанции, получившей закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года [30, ст. 592].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басков, В. И. Деятельность прокурора по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора / В. И. Басков. – М. : Юрид. лит., 1975. – 200 с.
2. Вопрос об упрощении кассационного производства в юридическом кружке при местном Верховном Суде // Ежедневник советской юстиции. – 1923. – № 40. – С. 924–925.
3. Грун, А. Некоторые процессуальные вопросы работы президиумов судов / А. Грун // Социалистическая законность. – 1960. – № 3. – С. 31–35.
4. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 15. – Ст. 97.

5. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
6. Декрет ВЦИК от 22 мая 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 48. – Ст. 214.
7. Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 51. – Ст. 294.
8. Декрет ВЦИК от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
9. Доклад тов. Крыленко по п. 3 повестки дня: «Губернский суд и ближайшие мероприятия в сфере его деятельности» // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 11. – С. 261–263.
10. Доклад тов. Крыленко по п. 4 повестки дня: «Вопросы судебного надзора»: содоклад тов. Стучки // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 11. – С. 263–265.
11. Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик : принят 2-й сессией Верховного Совета СССР 16 августа 1938 г. // Ведомости ВС СССР. – 1938. – № 11. – Ст. 206.
12. И-й, А. О статьях 105 и 429 Угол. проц. Кодекса (По поводу ст. ст. Лазарева и Красильникова) / А. И-й // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 48. – С. 1111–1112.
13. Красильников, В. По поводу статьи 429 Угол. Проц. Кодекса / В. Красильников // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 46. – С. 1066–1067.
14. Лунин, А. Роль и значение пленума губсуда / А. Лунин // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 10. – С. 225–227.
15. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н. Г. Муратова. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 346 с.
16. О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы Союзных республик : постановление ВЦИК от 1 дек. 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 64. – Ст. 459.
17. О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы Союзных республик : постановление ЦИК СССР от 14 сент. 1937 г. // СЗ СССР. – 1937. – № 61. – Ст. 226.
18. О порядке сообщения в Верховный Суд приговорах к высшей мере социальной защиты – расстрелу : циркуляр Верховного Суда РСФСР № 13 от 3 июля 1925 г. // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 28. – С. 779–780.
19. Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей : указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 авг. 1954 г. // Ведомости ВС СССР. – 1954. – № 17. – Ст. 360.
20. Положение о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г. // Ведомости ВС СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 84, 85.
21. Положение о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 36. – Ст. 424.
22. Положение о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.
23. Положение о судостроительстве РСФСР от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 85. – Ст. 624.
24. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский ; под ред. Д. С. Карева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 272 с.
25. Разъяснение пленума Верховного Суда РСФСР от 16 ноября 1925 года (Прот. № 19) «По запросу пленума Саратовского губсуда о разъяснении 429 ст. УПК» // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 47. – С. 1472–1473.
26. Семенов, В. М. Суд и правосудие в СССР / В. М. Семенов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1984. – 320 с.
27. Смыкалин, А. Судебная реформа 1922 года / А. Смыкалин // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 39–42.
28. Справочник по вопросам судебной практики / сост. С. С. Аскарханов и А. Н. Иодковский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – 280 с.
29. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. – 512 с.
30. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 320.
31. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Постановлением ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
32. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

FORMATION OF THE JUDICIAL SUPERVISION IN THE SOVIET CRIMINAL PROCEDURE

I.S. Dikarev

The article is devoted to the exploration of the history of formation of the retrial in the course of the supervision order of the court decisions, which have come into force, in the soviet criminal procedure.

Key words: *appeal, supervision, court, judicial system, court with supervisory authority.*